ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-3.3
УДК 330.101
JEL P1, P4, P5, B4, B5, D24

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

От форм присвоения к инфраструктурному каркасу: историко-логическая реконструкция хозяйственной деятельности[1]

Евгений П. ДЯТЕЛ ✉
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Для цитирования: Дятел, Е. П. (2026). От форм присвоения к инфраструктурному каркасу: историко-логическая реконструкция хозяйственной деятельности. *AlterEconomics, 23*(3), 574–590. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-3.3

Аннотация. В статье излагается авторское понимание инфраструктурного каркаса, который интерпретируется как программная основа (*framework*) воспроизводства экономической системы. Своей практической направленностью каркас отличается от структуры, понимаемой как совокупность существенных взаимосвязей её элементов, выявляемых в процессе исследования. Предметом анализа являются пространственно-временные условия возникновения и функционирования инфраструктуры хозяйственной деятельности. В работе применяется структурно-логический метод восхождения от абстрактного к конкретному, позволяющий осуществить локализацию пространственно-временного континуума экономической системы и установить, начиная с исходных форм хозяйственной деятельности, закономерности и этапы ее развития в качестве объекта научного исследования. Определяются технологические, институциональные и социально-экономические границы объекта и предмета анализа. В предлагаемой работе структура выражает историческую и логическую последовательность возникновения форм присвоения: труда как специфической особенности общественного индивида и способов трансформационного обмена веществ в процессе трансакционного присвоения (обмена услугами, средствами производства и предметами потребления); формирования инфраструктурного каркаса хозяйственной деятельности, соединяющего в пространстве и времени разнообразные формы присвоения продуктов производства, предметов потребления, услуг. Наряду с твердым ядром метода — диалектикой и материалистическим пониманием истории — его периферию образуют процедуры верификации и фальсификации (сопоставления и переосмысления) изложенных в первоисточниках теоретических выводов и фактов, для чего привлекаются публикации, содержащие новые научные результаты исследований по экономической теории, экономической истории и хозяйственной практике. Полученные результаты выявляют взаимосвязь и преемственность «практически истинных категорий» (термин Карла Маркса), что составляет цель исследования и отображается в выводах. По мнению автора, полученный категориальный аппарат в дальнейшем может быть апробирован на материалах экономических объектов различной степени локализации. Перспективным является его использование для определения путей и способов повышения конкурентоспособности экономики региона.

Ключевые слова: инфраструктурный каркас, структурно-логический метод, хозяйственная деятельность, пространственно-временная локализация, экономическая система

Благодарность: Статья выполнена в рамках государственного задания для Института экономики УрО РАН на 2026 г.

[1] © Дятел Е. П. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

From Forms of Appropriation to the Infrastructural Framework: Historical and Logical Reconstruction of Economic Activity

Evgeny P. DYATEL ✉
Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

For citation: Dyatel, E. P. (2026). From Forms of Appropriation to the Infrastructural Framework: Historical and Logical Reconstruction of Economic Activity. *AlterEconomics, 23*(3), 574–590. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-3.3

Abstract. The article conceptualizes the infrastructure framework as a basis for the reproduction of an economic system. Unlike structure, understood as the essential relationships among elements identified through research, the framework has a practical orientation. The study examines the spatial and temporal conditions under which the infrastructure of economic activity emerges and functions. The study applies a structural-logical approach that moves from the abstract to the concrete, defining the space-time continuum of the economic system and tracing its patterns and stages of development from the earliest forms of economic activity. It also establishes the technological, institutional, and socioeconomic boundaries of the object and subject of analysis. The proposed framework reflects the historical and logical sequence of economic development, from labor as a defining feature of the social individual, through the development of exchange and appropriation, to the emergence of an infrastructure framework linking different forms of appropriation across space and time. The study is grounded in dialectics and a materialist understanding of history, complemented by verification and falsification through the comparison and reassessment of theoretical conclusions and primary-source evidence. The analysis draws on innovative research in economic theory, economic history, and economic practice. The study aims to demonstrate the interconnection and continuity of what K. Marx termed "practically true categories." The resulting categorical framework can be tested using data from economic entities at different levels of localization and may help identify ways to strengthen regional economic competitiveness.

Keywords: infrastructure framework, structural-logical method, economic activity, spatial-temporal localization, economic system

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the state assignment for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2026.

1. Введение

Пространственно-временной континуум (ПВК) экономической системы и лежащие в его основе инфраструктурные каркасы хозяйственной деятельности принадлежат к базовым понятиям экономической теории и региональной экономики (Креймер, 2011; Клейнер, 2021). Актуальным является определение места ПВК в сложившемся категориальном аппарате экономической науки и смежных с нею философских, правовых и других общественных и естественнонаучных дисциплин.

Важное значение для предлагаемой публикации имеет обращение к классическому наследию, включая сочинения Аристотеля, Гегеля, Маркса, Энгельса и других великих мыслителей. Оно оправдано тем, что помогает выявить теоретико-методологические основы исследования и способствует достижению цели настоящей публикации — выяснению преемственности и взаимосвязи инфраструктурных каркасов хозяйственной деятельности как материальных (трансформационных) и институциональных (трансакционных) условий пространственно-временной локализации экономической системы. Это делает возможной постановку задачи практического использования полученных результатов для оценки конкурентоспособности региональных экономических систем.

Данная статья продолжает цикл наших работ (Дятел, 1974; Dyatel, 2026 и др.) и нацелена на выполнение поставленной выше задачи с привлечением доступных нам этнографических, исторических, социально-экономических и иных источников.

2. К вопросу о методологии, объекте и предмете исследования

Понятийный аппарат можно конкретизировать, опираясь на аристотелевскую матрицу принципов («причин») научного мышления. В итоге мы получим четыре понятия (родовое, материальное, специфицирующее, синтетическое), представляющие собой общеметодологическую основу научного познания, в т. ч. экономико-теоретического исследования (рис. 1).

На этой первой ступени научного познания восхождение от абстрактного к конкретному не заканчивается. Его образцом стал концептуальный каркас, воспроизводящий логику и структуру политической экономии товарного производства, отправным пунктом которого является товар как «элементарная клеточка буржуазного общества» (Маркс, Энгельс, 1960) (рис. 2).

Цитируемые труды великих мыслителей во многом определили дальнейшее развитие философской и экономической науки и стали фундаментом аналитического подхода, который может быть назван структурно-логическим методом исследова-

Формальная причина (родовое определение)	Материальная причина (материальное определение)	Производящая причина (специфицирующее определение)	Целевая причина (синтетическое определение)
Родовой признак	Материя (материальный объект)	Форма объекта (специфический предмет науки)	Единство формы и содержания как закон движения изучаемого явления

Рис. 1. *Структура и логика исследования диалектики Аристотеля (источник: сост. автором по (Аристотель, 1976))*
Fig. 1. *Structure and Logic of Research on Aristotle's Dialectic*

Полезность вообще	Потребительная стоимость	Меновая стоимость	Общественная потребительная стоимость
Овеществленный труд			
Труд вообще	Конкретный труд	Абстрактный труд (общественный характер труда)	Общественно необходимый (частный) труд
Простой средний труд			
Простая, или случайная, форма стоимости	Полная форма стоимости	Всеобщая форма стоимости	Денежная форма
Товарный фетишизм			
Планомерная форма хозяйства	Натуральная форма хозяйства	Товарная форма хозяйства	Объективные мыслительные формы

Рис. 2. *Концептуальный каркас «политической экономии товарного производства» (закавыченное выражение принадлежит Ф. Энгельсу; источник: (Маркс, Энгельс, 1961а, с. 320))*
Fig. 2. *Conceptual Framework of the „Political Economy of Commodity Production" (phrase quoted from Engels, 1961a, p. 320)*

ния хозяйственных систем. Начиная с 1980-х гг. он использовался в наших публикациях и, следовательно, с ним можно было ознакомиться, что позволяет не воспроизводить детально его особенности. Отметим лишь, что далеко не все свойства объекта воспринимаются на уровне «живого созерцания» (Ленин, 1973, с. 152–153): визуальном, аудиальном, тактильном. При восхождении от живого созерцания к абстрактному мышлению необходимо исключить второстепенные элементы, чтобы избежать подмены понятий, выражающих недоступную чувственному восприятию специфику изучаемого предмета — экономических отношений, — поверхностными обобщениями. Актуальным становится принцип историзма как составная часть материалистического понимания истории. Он ориентирует на изучение «косвенного образа жизни» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 19), возникшего вследствие общественного разделения труда, которое стало отправным пунктом «Исследования о природе и причинах богатства народов» А. Смита (Smith, 1976) и базовой категорией классической политической экономии.

Применительно к рыночной экономике общественное разделение труда определяется как стихийное, или стихийно сложившееся. Здесь у нас возникает проблема, требующая своего осмысления. Само понятие разделения труда свидетельствует, что оно зарождается не по воле случая, а в силу осознанного распределения видов деятельности: вначале каждым индивидом для удовлетворения личных потребностей, а затем через разделение обязанностей с другими членами семьи и общины. Его «стихийность» отражает случайное распределение природных ресурсов, потребностей и способностей субъектов хозяйственной деятельности, но главное, она — результат опосредованной обменом обратной связи производства и потребления. Более правильной является характеристика общественного разделения труда как исторически складывающегося, независимого от воли и сознания отдельных индивидов, материального производственного отношения. Это положение не оспаривается и экономистами-неоклассиками.

Ф. фон Хайек отмечает: «Возникает структура, о существовании которой эти люди не знают и которая заведомо не была целью их действий». Тем не менее эта структура представляет собой организационную основу экономической деятельности людей. Далее Хайек пишет: «До настоящего времени только экономическая теория разработала теоретический метод, пригодный для изучения стихийных абстрактных порядков, который лишь сегодня постепенно начинают применять к изучению порядков, отличных от рынка» (фон Хайек, 2006, с. 133). С этим следует согласиться, однако остается вопрос, как и когда возникают «стихийные абстрактные порядки»? По фон Хайеку, они предпосылка становления членораздельной речи и, следовательно, зарождались в процессе антропосоциогенеза. Нам кажется, что здесь необходимо дополнительное исследование, но более актуальным мы считаем осмысление причин возникновения, закономерностей и особенностей функционирования разделения труда в качестве базисной формы общественного производства и жизнедеятельности человека.

Решая обозначенную задачу, необходимо обратиться к построению инфраструктурного каркаса социально-экономической формации. Чтобы глубже погрузиться в методологию вопроса, приведем соответствующую выдержку из «Предисловия» к первому изданию «Капитала»: «При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции. Но товарная форма продукта труда, или форма стоимости

товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 6). Относительно первой части приводимой цитаты укажем, что применяемый в советской экономической литературе в качестве синонима «метод научной абстракции» расценивался как одно из высших достижений создателя «Капитала», и такая его оценка вполне правомерна. С этих позиций вернемся к следующей за союзным словом «но» части высказывания, где внимание акцентируется на стоимостной форме как специфическом общественном отношении товарной формы хозяйства. Не следует упускать из виду, что данная форма была выявлена независимо от К. Маркса и задолго до него. Вначале она представала в своем институционально-правовом облике, выражая право собственности индивида и отдельных групп человеческого сообщества на условия и факторы жизнедеятельности, затем, по мере углубления общественного разделения труда, зарождения и развития трансакций, происходила ее кристаллизация в виде всеобщей обмениваемости продуктов и услуг. Для понимания этого процесса нужно обратиться к изучению естественно выросших и впоследствии исторически развившихся способов институционализации хозяйственной деятельности.

3. Предпосылки научного анализа естественно выросших форм хозяйства

Опираясь на свои многолетние исследования, К. Маркс подтвердил, что, наряду с экономической общественной формацией, существует некий субстрат, который может быть назван первичной или архаической формацией, с последовавшими в трудах разных авторов уточнениями его свойств как натурального хозяйства, первобытного коммунизма, азиатского способа производства и др. Эти характеристики в той или иной мере остались актуальными в качестве исторических и теоретических проблем социально-экономического исследования, в обсуждении которых принимали участие лучшие умы своего времени. Объективная картина происходивших в СССР, а также досоветской и постсоветской России дискуссий представлена в труде выдающегося советского и российского историка Л.В. Даниловой, написанном в 1969 г., но изданном (в отредактированном варианте, включающем материалы последующих лет вплоть до 2012 г.) лишь в 2024 г. благодаря усилиям ее молодых сторонников и последователей — С.С. Алымова и А.В. Журавеля (Данилова, 2024). Непростая судьба книги — печальное свидетельство атмосферы, господствовавшей в советском обществоведении после оттепели 1960-х гг. и не изжитой в течение ряда десятилетий. Поскольку нам посчастливилось участвовать в обсуждении специфики общественных отношений архаической формации и экономики первобытного общества, позволим себе несколько подробнее остановиться на этом.

Вопрос об условиях и факторах возникновения и развития первичной общественной формации неоднократно ставился и обсуждался в публичном обмене мнениями, где обозначились две основные точки зрения. Одну из них можно условно идентифицировать с книгой известного советского философа Ю.И. Семенова «Как возникло человечество», в которой утверждается следующее: «Опираясь на обширный этнографический материал, мне удалось установить самую раннюю, изначальную форму первобытно-коммунистических отношений, которую я назвал разборно-коммуналистическими отношениями» (Семенов, 2002). В обосновываемой Ю.И. Семеновым концепции центральное место занимает преодоление «зоологического индивидуализма», завершающееся возникновением естественно выросших (родовых, семейных, соседских) отношений. В них можно увидеть предпосылку для институцио-

нализации собственности путем формирования норм обычного права — предтечи будущих гражданско-правовых способов ее регулирования. Но, за исключением формальных отсылок, в цитируемой книге отсутствует анализ производительных сил и производственных отношений возникающего социума. Такой подход вызвал закономерные возражения сторонников альтернативной, производственно-экономической концепции, которую мы излагаем, обращаясь к трудам Л.В. Даниловой.

Прежде чем конкретизировать наши заметки, отметим, что Л.В. Данилова зарекомендовала себя не только в качестве историка, специальным предметом которого было исследование докапиталистических обществ, но и снискала признание ведущих экономистов-теоретиков советского и постсоветского периодов, ставивших применительно к конкретным условиям того времени задачу обоснования путей развития нового общественного строя. Особенное внимание уделялось содержанию понятия «производительные силы», структуре производственных отношений и месту в ней отношений собственности (Данилова, 2024, гл. V). Отвлекаясь от представленного в цитируемой монографии развернутого историографического описания, сосредоточимся на методологических и теоретических аспектах продолжившейся вплоть до начала XXI в. дискуссии. И хотя все ее участники оставались на платформе исторического материализма, многие высказывали собственные трактовки его основных положений. Поэтому как далеко не самый главный, но всё же полноправный участник обсуждения, автор настоящей статьи считает возможным изложить личную точку зрения на некоторые ключевые вопросы становления первичных хозяйственных систем.

При анализе перехода от биологических закономерностей живой материи к социально-экономическим законам общества всё чаще используется понятие коэволюции человека и среды его жизнедеятельности. В научных трудах рассматриваемого периода оно почти не встречается, но роль аналога выполняют «естественно возникшие» или «естественно выросшие» производительные силы и отношения между людьми. К сожалению, в таком контексте коэволюция если и подразумевается, то в узком смысле — как неразвитое, скорее, природное, а не общественно-историческое явление, что приводит к недооценке обеих сторон процесса взаимодействия — человека и среды его жизнедеятельности. Наглядным примером выступает утверждение о незначительном уровне развития и латентном состоянии производительных сил первобытного общества, которое воспроизводится в учебных и научных публикациях. Также цитируемое выше исследование исходит из положения: «В первобытном обществе с его крайне низким уровнем развития труда она (*простая кооперация — Е. Д.*) представляла единственную возможность в борьбе за существование, средство выжить. Однако первобытный коллективизм и общая собственность связаны не с коллективным производством и употреблением орудий труда, а с их неразвитостью» (Данилова, 2024, с. 310).

В 1960–1970-е гг. у автора настоящей публикации была возможность неоднократно обсуждать с Л.В. Даниловой свое мнение о том, что именно здесь, на заключительной стадии антропосоциогенеза, произошли, возможно, величайшие в истории человечества технологические сдвиги, сопровождавшиеся анатомическими, физиологическими, нервно-психическими изменениями организма нашего предка и становлением социально-экономических отношений. Реакция маститого ученого была, скорее, снисходительной, что объяснимо разницей в возрасте, жизненном и научном опыте, а также базовой подготовке провинциального

молодого исследователя. Но, возвращаясь к своим прежним публикациям (например, Дятел, 1974 и др.), мы не находим принципиальных неточностей, которые бы заставили пересмотреть изложенные в них концепцию и оценку состояния производительных сил и производственных отношений первобытного общества. В этой связи представляется оправданным вернуться к обсуждению затронутых вопросов, имеющих непосредственное отношение к проблеме становления и развития хозяйственной деятельности зарождающегося социума и лежавших в ее основе инфраструктурных пространственно-временных каркасов.

4. Диалектика предмета и метода исследования хозяйственных систем

Методологически правильно начинать с предпосылок и отправного пункта исследуемого явления, вычленить который можно при помощи принципов совпадения логического и исторического (Г. В. Ф. Гегель) и единства исторического и логического (К. Маркс). Оставляя в стороне проявляющуюся у некоторых авторов тенденцию к количественному разграничению в объеме «естественных природных факторов производительных сил над исторически созданными», согласимся, что «любое вещество природы, используемое в качестве предмета или средства труда, претерпевает в той или иной мере воздействие человеческого труда, выступает в преобразованном виде» (Данилова, 2024, с. 308). Такой вывод дает ключ к пониманию коэволюции преследующего свои цели общественного индивида и среды его жизнедеятельности. В этой связи мы считаем необходимым уточнить понятия «естественно выросших» феноменов, характерных для архаической формации, путем исключения из их числа тех природных условий и факторов, использование которых не влечет за собой социально-экономических последствий. Отметим, что в основополагающих произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса нет «естественного разделения» труда или других сугубо «естественных» определений общественных явлений, которые время от времени появляются в русскоязычной литературе. Но, если вывести натуральную составляющую в виде всеобщих условий жизни человека (природная среда обитания, кровнородственные связи, животнообразная манипулятивная деятельность) за рамки социума, то всё же остается вопрос их классификации как предпосылок и движущих сил антропосоциогенеза.

Процессам производства и воспроизводства человека, материально-технической базы социума и связанным с ними отношениям собственности уделяли внимание многие советские, российские и зарубежные (напр., Мосс, 2011) историки, философы и экономисты. Высоко оценивая результаты их исследований, трудно пройти мимо складывавшейся в советском обществоведении тенденции избегать фальсифицирующих процедур научного познания, когда речь шла о высказываниях классиков марксизма. К тому же фальсификацию и реинтерпретацию категориального аппарата нужно было проводить не только на основе заверенных советскими органами статистики сведений и фактов, но и с учетом широкого контекста теоретической мысли, включавшего в себя обращение к ревизионистским и буржуазным источникам. К сожалению, сделать это удавалось не всем и не всегда.

Возможно, наши результаты не полностью совпадут с выводами К. Маркса и его ортодоксальных последователей. И всё же подобное рассмотрение необходимо — не для опровержения марксизма, занявшего достойное место в истории экономической мысли, а чтобы вспомнить о его мировоззренческом значении, которое проявлялось в критической оценке виднейших представителей классической науки,

в т. ч. представителей естествознания, и противопоставлении им опередивших свое время Лейбница, Канта и Гегеля (Маркс, Энгельс, 1961b, с. 520). Правомерность таких оценок подтвердил переход к неклассической науке, сменившей детерминированную картину мира Лапласа на электромагнитную, а затем на квантово-полевую модель мироздания, что можно рассматривать как отказ от картезианских, «телесных» трактовок материи в пользу ее понимания как неисчерпаемой и не ограниченной эмпирическими характеристиками материальной сущности. Отметим также, что новое естественнонаучное мировоззрение сохранило исторически сложившийся статус фундаментальной основы за трудами Декарта, Ньютона и других основоположников рационального научного мышления.

Если обратиться к обществоведению, то переходный период совпал с написанием «Капитала» К. Марксом. Проводимая в нем критика классической политической экономии являлась условием новых подходов и решений, которые бы реформировали теорию ценности. По мнению современных экономистов, эта задача оказалась по плечу неоклассике, ориентированной на сопоставление предельной величины ценового потребительского спроса с предельной тягостью труда производителя. Причину относительной неуспешности экономической теории марксизма мы видим в идеологическом настрое, исходившем из непримиримого антагонизма классов и количественных оценок их вклада в общественное благосостояние: положительного у пролетариата и отрицательного у буржуазии. Поскольку товарная стоимость продуктов измерялась через «расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 55), результат был предопределен.

Материально-телесная трактовка субстанции стоимости обосновывалась следующим образом: «Стоимость, оставляя в стороне ее чисто символическое выражение в знаке стоимости, существует только в той или иной потребительной стоимости, в той или иной вещи. (Сам человек, рассматриваемый только как наличное бытие рабочей силы, есть предмет природы, вещь, хотя и живая, сознательная вещь, а самый труд есть материальное проявление этой силы.)» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 213–214). Такая формулировка не могла пройти мимо внимания последовательных марксистов, ставивших своей целью построение в революционной России нового общества, в котором «отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 90), и сыграла, по нашему мнению, не самую положительную роль для советской экономики[1]. В то же время, стремясь вслед за Марксом к точным методам анализа, приходим к выводу, что отказ от картезианского (телесного) понимания объективной реальности не означает игнорирования четких граней бытия, за которыми скрыты его базовые свойства (вещество, энергия, информация), формы существования (пространство и время) и социально-экономические отношения между людьми. Вопрос заключается в другом: что стоит за перечисленными атрибутами — материальная или идеальная субстанция? Возможно ли их сосуществование и взаимодействие? Каковы

[1] Не имея возможности подробно останавливаться на дискуссиях, разворачивающихся в первые годы советской власти, отошлем читателя к докладу И. И. Рубина (1927) и его обсуждению в Институте экономики (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, 1928, Москва, с. 35–94). [Электронный ресурс]. https://istmat.org/files/uploads/66044/abstraktnyy_trud_i_stoimost_v_sisteme_marksa.pdf?ysclid=muf4hq5ub8289308082 (дата обращения: 15.06.2026).

пределы человеческого познания и не следует ли признать недоступную человеческому разуму «вещь в себе» (по И. Канту)?

Поскольку ничто из вышеназванного не обнаруживается вне опыта познавательной деятельности человека, это стимулировало многих естествоиспытателей и обществоведов к позитивистскому мировоззрению, выводимому из универсального принципа экономии мышления Э. Маха. В таком подходе есть рациональное зерно, которое мы видим в придании научного статуса субъективной стороне познавательной деятельности: восприятии человеком цветовой, звуковой, вкусовой гаммы, а также опредмеченных в информационном носителе «превращенных форм» общественных отношений. Без них и подсказанных опытом «объективных мыслительных форм» (по К. Марксу) вся творческая сторона целесообразной человеческой деятельности оказалась бы под вопросом, включая потенциальную утрату многих изобретений и научных открытий. Однако позитивизм имел принципиальный недостаток. Он пытался решить проблему целостного видения объекта исследования с формально-системных позиций, попадая тем самым в ловушку теоремы К. Гёделя о неполноте формальной системы. Чтобы выйти из нее, нужно увидеть объект познания извне, с позиций стороннего наблюдателя, поскольку ситуация повторяется и мы не найдем конечной системы, которую можно одновременно описать изнутри и снаружи, т. к. придется вернуться к гипотезе о неисчерпаемой материи (противоположный вариант — непознаваемой в своей полноте божественной идеи).

На наш взгляд, плодотворной является альтернатива, которая была реализована Аристотелем в его «причинах», а впоследствии воплощена в материалистической диалектике. Она позволяет использовать оба начала, выводя окончательное суждение о них за рамки ограниченной пространством и временем познавательной и практической деятельности человека: «Бытие есть вообще открытый вопрос, начиная с той границы, где прекращается наше поле зрения» (Маркс, Энгельс, 1961а, с. 43). Принимая эту точку зрения, можно согласиться, что опыт — универсальный способ восприятия окружающей действительности, не забывая, что, используя даже максимально удаленные от нее приемы чистого мышления (логику и математику), мы прибегаем к «внешнему оправданию» (А. Эйнштейн) — неисчерпаемой и непознаваемой в пределах конечного бытия реальности. Результатом могут стать «практически истинные» категории, соединяющие субъективную сторону и объективную основу человеческого познания и составляющие инфраструктуру его сознательной деятельности (рис. 3).

Родовое определение	Материальное определение	Специфицирующее определение	Синтетическое определение
Бытие	Материя[1]	Объективные мыслительные формы	Инфраструктура человеческой жизнедеятельности

[1] В современной литературе «материя» (англ. *matter*) отождествляется с терминами «материал», «вещество», но в языках-прототипах (греческом, латыни) термин «*materia/-es* сближается с существительным *mater*, которое выступает как «мать» и «родительница» всех вещей (Lucr. I 167–173)» (Тимофеев, 2016, с. 975).

Рис. 3. *Инфраструктурный каркас познавательной и практической деятельности человека (источник: сост. автором)*
Fig. 3. *The Infrastructure Framework of Human Cognitive and Practical Activity*

5. Инфраструктура — ключевое звено коэволюции социальной жизнедеятельности человека

Инфраструктура определена нами как структурированная в процессе познавательной и практической деятельности людей материя, и в таком качестве она составляет базовую категорию исследования общественной жизни. Формирование инфраструктуры начинается с выделения ограниченных ресурсов как объектов присвоения. Природные предпосылки (вещество, энергия, информация, пространство и время) образуют экологический каркас любой формы жизни. Возникает вопрос: каким образом осуществляется трансформация природной среды в технологические факторы хозяйственной деятельности, субъектом которой является формирующийся человек?

Взаимодействию указанных компонентов посвящен ряд работ, из которых выделим книгу Б. Стиглера «Техника и время» (Stiegler, 1998). Автор не является первооткрывателем проблемы соотношения субъективных и «материально-вещественных» факторов общественной жизни, но используемый им в качестве специфического признака коэволюции человека и техники термин — эпифилогенез — позволяет четче определить переходное состояние между животнообразной манипуляцией и человеческим трудом как окольной формой хозяйственной деятельности (Produktionsumwege (Böhm-Bawerk, 1886)).

Ориентируясь на принцип совпадения логического и исторического, попробуем выявить отсутствующую у других живых существ специфическую особенность *homo sapiens*, чтобы затем установить обстоятельства и факторы ее появления. Вкратце воспроизведем ход наших рассуждений, основанный на наблюдениях и выводах экономических антропологов (Lovejoy, 1988; Nippold, 1960; Schebesta, 1950; Уайт, 2004). Среди многих анатомических, физиологических, нервно-психических отличий человека от остального животного мира высшую ступень занимает его социальное поведение, генезис которого обусловлен трудовой деятельностью. Однако попытки отграничить труд как целесообразную деятельность человека от животнообразного манипулирования орудиями не всегда оказывались успешны, поскольку: 1) здесь и там речь идет о целесообразной деятельности; 2) в обоих случаях орудия варьируются от органических до неорганических (каменных) изделий; 3) средства и продукты орудийной деятельности опосредуют отношения между индивидами внутри сообщества и вне его.

Анализу преемственности биологических и социальных структур посвящена работа Э.О. Уилсона: «Социобиология: новый синтез» (Wilson, 1975), за которой последовала его же книга «О человеческой природе» (Wilson, 1978). Автор определил социобиологию как «систематическое исследование биологической основы всех форм социального поведения, у всех организмов, включая человека». По его мнению, большинство стереотипных форм поведения человека свойственно другим живым существам, а во многих отношениях (например, в кооперации, разделении труда, альтруистическом поведении) люди уступают сообществам насекомых. Отметим, что современный человек уникален в анатомическом плане, его главное отличие — прямохождение — повлекло за собой многочисленные морфологические и функциональные изменения. Поскольку у нас нет необходимости углубляться в их детальное рассмотрение (см. подробнее: Wilson, 1975), ограничимся констатацией фактов, свидетельствующих об экономически значимой

трансформационной (производство и потребление) и трансакционной (распределение и обмен) деятельности формирующегося человека.

Здесь придется вернуться к результатам дискуссий, которые в свое время состоялись с известными этнографами и историками старшего поколения. У нас не было разногласий в том, что изготовление и использование орудий ведет к революции в материально-вещественном обмене между человеком и природой. Орудийная деятельность, кроме увеличения количества добываемых в процессе охоты и собирательства с помощью палки-копалки продуктов, способствовала анатомической перестройке человеческого организма, включая переход к бипедализму и развитию человеческой руки. На этом процесс антропогенеза не закончился. Предстояло достичь подлинного прямохождения, при котором вертикальная проекция центра тяжести человеческого организма совпадает с позвоночным столбом и проходит через средину церебрального отдела. Чтобы тело нашло новое положение равновесия, требовалось существенно сократить длину и объем пищеварительного тракта. Последнее было достигнуто путем частичного вынесения за пределы организма процессов переработки сырой растительной и животной пищи путем ее приготовления на огне, что явилось следствием второй великой революции — в энергетическом обмене между формирующимся человеком и природой. Редукция массивных челюстей и трансформация черепа и мозга предка человека ознаменовали появление членораздельной речи, свидетельствовавшей о начале третьей, завершающей антропогенез, информационной революции.

Читатель, как, впрочем, и автор, скорее всего, не заметит в изложенном особой новизны, за исключением акцента на роли огня, который, по нашему мнению, сыграл роль триггера в процессе возникновения *homo sapiens*. Важным итогом революционных преобразований в жизнедеятельности предка человека стала общественно целесообразная производственная деятельность. В своей основе она покоилась на естественно сложившемся каркасе. Но одних материально-вещественных и иных осязаемых компонентов человеческой производительной деятельности для этого недостаточно. Следствием глубоких трансформационных изменений в обмене веществ между человеком и природой стало появление производственных отношений. Выражая цели общественного производства, они составили экономический базис первобытного социума. И пора перейти к вопросу о формах «исходного присвоения»: следует ли их отнести к естественно выросшей хозяйственной инфраструктуре или же они феномен исторически сложившейся системы производственных отношений?

Схожие вопросы неоднократно возникали и обсуждались применительно к другим переходным периодам: от первобытности к феодализму, затем к капитализму, а также во времена построения социализма в советской России. Феодальная собственность детально исследовалась Л.В. Даниловой, которая сочла, что сталинская формулировка «не внеэкономическое принуждение … являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю» (Сталин, 1952, с. 41) не соответствует фактам и выходит за пределы марксизма. По ее мнению, теоретико-методологическое обоснование собственности следует искать в «Капитале» К. Маркса и произведениях советских политэкономов середины и конца XX в.: М.В. Колганова, И.И. Кузьминова, В.П. Шкредова, Н.А. Цаголова и др., отделявших собственность как юридическое отношение человека к вещам (пользование, владение, распоряжение) от ее экономического содержания, для описания которого необходимо исследование всей совокуп-

ности производственных отношений. Мы остановимся на этой проблеме, тем более что к ней сегодня приковано внимание многих экономистов в попытке оценить растущую роль административных органов различного уровня (и даже искусственного интеллекта!) как субъектов организации и управления хозяйственной деятельностью фирм, отраслей, СЭЗ и других региональных образований.

Обращение к практике и юридическим аспектам реализации отношений собственности не является случайным. В качестве примера приведем опыт преобразований в советской России. Напомним, что в первые годы советской власти В.И. Ленин следующим образом высказался о примате политико-правовых (идеологических) общественных отношений: «политика не может не иметь первенства над экономикой» (Ленин, 1970, с. 278). Данный подход был реализован в процессе «строительства социализма», ключом к которому И.В. Сталин считал «господство общественной собственности на средства производства» (Сталин, 1952, с. 41). Также в изданном вскоре после его смерти и превратившемся сегодня в свидетельство истории экономической мысли данного периода учебнике политэкономии указывалось, что «основой производственных отношений является определенная форма собственности на средства производства»[1].

Вне зависимости от оценки служебного статуса и личных качеств цитируемых авторов отдадим должное их научной квалификации и основательной подготовке к рассмотрению затронутых вопросов. Нет сомнений, что В. Ленин знал и разделял марксистское положение об определяющей роли экономического базиса, но там, где речь шла о воздействии на массы, об организации и управлении экономической жизнью государства, на первый план выходила политика, подкрепляемая юридическими нормами и мерами силового принуждения. Это наглядное подтверждение того, что институциональная сторона хозяйственной деятельности бывает не менее значима, чем материальный процесс производства.

Соотнесем данный вывод с доступными нам этнографическими данными о первобытном обществе, где естественно выросшие институты представлены счетом родства, порядок и приоритет которых соблюдаются достаточно строго. Без соответствующих институциональных норм, регулирующих социально-экономические отношения, элементы и силы природы останутся естественно выросшими условиями жизнедеятельности и не превратятся в производительные силы. Поэтому будет правильно говорить о диалектике юридической (включающей обычное право) формы собственности и ее экономического содержания, т. е. всей совокупности производственных отношений. Оценивая с этих позиций дискуссию о собственности как основном производственном отношении социализма (Колесов, 1967), мы пришли к выводу, что «общественная собственность» в тех формах, какие она приобрела в СССР, действительно была базовым экономико-правовым отношением, определявшим легальные стороны хозяйственной жизни. Полагаем, что этот вывод не только характеризует наше понимание роли институциональной инфраструктуры, но и в определенной степени является ответом на вопрос о зарождении «стихийных абстрактных порядков», которые выражают институционализацию форм собственности, происходящую независимо от воли индивида[2].

[1] Островитянов, К. В., Шепилов, Д. Т., Леонтьев, Л. А., Лаптев, И. Д., Кузьминов, И. И., Гатовский, Л. М. (1954). *Политическая экономия*. Учебник. Москва: Государственное Издательство Политической Литературы.

[2] Кстати говоря, стихийность в виде непредсказуемых последствий действия «закона планомерного пропорционального развития» (дефицита, очередей, нелегального рынка) была и при советской власти.

Перечисленные нами инфраструктурные каркасы хозяйственной деятельности представлены на рисунке 4.

Отметим, что все использованные нами понятия присутствуют в литературе — в естественнонаучных, социологических, экономических и экономико-географических источниках. Дополнительного обоснования требует правомерность употребления их в данном контексте. В этой связи укажем, что каждая из категорий вводилась нами не случайно, а исходя из поставленной конечной цели — рассмотрения инфраструктурных каркасов хозяйственной деятельности в пространственно-временном континууме сменяющих друг друга социально-экономических систем общественной жизни, чему и посвящена большая часть предлагаемого материала. Также детальное рассмотрение представлено в публикации, где мы впервые определили инфраструктуру как опорный пространственно-временной каркас: «Особенно важным представляется инфраструктурный каркас, в котором опредмечивается расширяющийся комплекс целей общественного производства. Его роль выполняют не только транспортные магистрали, но также устройства для хранения предметов и орудий труда, продуктов, энергии и информации. Причем многие полезные свойства этих объектов возникают и проявляются в результате трансакций по мере изменения местоположения вещественных, энергетических и информационных носителей в пространстве и времени (Commons, 1931, p. 251; Wallis & North, 1986)» (Dyatel, 2026, p. 58). Указывалось, что важнейшим формообразующим фактором пространственно-временной хозяйственной деятельности становится экономическая информация как способ опредмечивания в вещных носителях экономических целей производства и отношений собственности.

Родовое определение	Материальное определение	Специфицирующее определение	Синтетическое определение
Естественно выросшие предпосылки	Элементы и силы природы	Исходное присвоение («способность к труду» (Smith, 1976))	Трансформационный обмен веществ
Естественно выросший технологический каркас трансформационного присвоения			
Технологический способ производства	Материально-техническая база производства	Окольное присвоение («склонность к обмену» (Smith, 1976))	Обмен услуг и объектов присвоения
Институциональный каркас форм трансакционного присвоения			
Общественный способ производства	Производительные силы	Производственные и экономико-правовые отношения	Социально-экономическая формация как синтез способа производства и институтов (надстройки)
Пространственно-временной каркас экономической системы			

Рис. 4. *Этапы становления инфраструктурных каркасов хозяйственной деятельности (источник: сост. автором)*

Fig. 4. *Stages in the Formation of Infrastructural Frameworks of Economic Activity*

6. Заключение

Итак, мы охарактеризовали становление инфраструктурных каркасов: технологического, определяющего способ присвоения элементов и сил природы в процессе трудовой деятельности, и институционального, регулирующего формы трансакций услуг и объектов собственности в системе производственных и экономико-правовых отношений. Они возникают на базе экологического каркаса, структурирующего элементы и силы природы, и каркаса общественного разделения труда, начальными условиями которого явились территориальные особенности проживания, половозрастная структура, а также семейные, родовые, племенные и другие естественно выросшие различия и связи населения.

Относительно практического использования полученных результатов для оценки конкурентоспособности региональных экономических систем добавим следующее:

1) итогом теоретических изысканий должны быть «практически истинные» категории, верифицируемые на материалах современных исследований;

2) верификация наших результатов возможна на объектах региональной экономики;

3) актуальным и перспективным представляется сравнительное исследование конкурентоспособности региональных экономических систем, а также оценка с учетом потенциала сложившихся инфраструктурных каркасов, что позволит перейти к рекомендациям по ее эффективному использованию.

Если читатель сочтет наши доказательства достаточно убедительными, хотя и не исчерпывающими, то поставленная в исследовании цель по выявлению преемственности и взаимосвязи инфраструктурных каркасов хозяйственной деятельности достигнута.

Список источников

Аристотель. (1976). Метафизика. Под ред. В. Ф. Асмус, *Сочинения в четырех томах. Т. 1* (с. 5–62). Москва: Мысль.

Данилова, Л. В. (2024). *Теоретические проблемы феодализма в советской историографии*. Москва: ЛЕНАНД, 512.

Дятел, Е. П. (1974). Присваивающее хозяйство у пигмеев, бушменов и тиндига: особенности воспроизводства и развития. Под ред. Ю. М. Кобищанова, *Африка: возникновение отсталости и пути развития* (с. 46–84). Москва: Изд-во «Наука».

Клейнер, Г. Б. (2021). *Системная экономика: шаги развития*: монография. Москва: Издательский дом «Научная библиотека», 746.

Колесов, Н. Д. (1967). *Общественная собственность на средства производства — основное производственное отношение социализма*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 248.

Креймер, М. А. (2011). Анализ пространственно-временного континуума в социально-экономических явлениях. *Вестник СГГА*, (3(16)), 113–124.

Ленин, В. И. (1970). Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. *Полное собрание сочинений. Т. 42* (с. 264–304). Москва: Издательство политической литературы.

Ленин, В. И. (1973). *Философские тетради. Полное собрание сочинений. Т. 29*. Москва: Издательство политической литературы, 782.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1960). *Сочинения. Т. 23. Капитал. Критика политической экономии. Книга 1: Процесс производства капитала*. (2-е. изд.). Москва: Политиздат, 907.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). *Сочинения. Т. 3. Немецкая идеология*. (2-е изд.). Москва: Госполитиздат, 630.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1961a). *Сочинения. Т. 20. Анти-Дюринг*. Москва: Госполитиздат, 827.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1961b). *Сочинения. Т. 20. Диалектика природы*. Москва: Госполитиздат, 827.

Мосс, М. (2011). Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии* (с. 134–285). Москва: КДУ.

Рубин, И. И. (1927). Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. *Под знаменем марксизма*, (6), 88–119.

Семенов, Ю. И. (2002). *Как возникло человечество*. Москва: Гос. публ. ист. б-ка России, 788.

Сталин, И. В. (1952). *Экономические проблемы социализма в СССР*. Москва: Госполитиздат, 223.

Тимофеев, И. С. (2016). Термин materia/materies в философском словаре Лукреция: этимология, семантика, морфология. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, (20-2), 972–983. EDN WJDNJN

Уайт, Л. (2004). *Избранное: Эволюция культуры*. Москва: РОССПЭН, 1064.

фон Хайек, Ф. А. (2006). *Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики*. (Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева). Москва: ИРИСЭН, 644.

Böhm-Bawerk, E. V. (1886). I. Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwerts. *Journal of Economics and Statistics [Jahrbuecher fuer Nationaloekonomie und Statistik]*, *47*(1), 1–82. https://doi.org/10.1515/jbnst-1886-0102 (на немецком)

Commons, J. R. (1931). Institutional Economics. *The American Economic Review*, *21*(4), 648–657.

Dyatel, E. P. (2026). The spacetime of regional economic systems: Methodology, history, potential. *Journal of New Economy*, *27*(1), 48–63. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2026-27-1-3 EDN ISMVHP

Lovejoy, C. O. (1988). Evolution of human walking. *Scientific American*, *259*(5), 118–125.

Nippold, W. (1960). *Individuum und Gemeinschaft bei den Pygmaeen und Negrito-Voelkern Suedost-Asien*. Braunschweig. (на немецком)

Schebesta, P. (1950). *Die Bambuti-Pygmäen vom Ituri* (Vol. 4). Hayez, imprimeur de l'Académie royale de Belgique. (на немецком)

Smith, A. (1976). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Chicago: The University of Chicago Press, 1152.

Stiegler, B. (1998). *Technics and time, 1: The fault of Epimetheus* (Vol. 1). Stanford University Press.

Wallis, J. J., & North, D. (1986). Measuring the transaction sector in the American economy, 1870–1970. In S. L. Engerman and R. E. Gallman (Eds.), *Long-term factors in American economic growth* (pp. 95–162). University of Chicago Press.

Wilson, E. O. (1975). *Sociobiology: The new synthesis*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 697

Wilson, E. O. (1978). *On Human Nature*. Cambridge: Harvard University Press, 260.

References

Aristotle. (1976). Metaphysics. In V. F. Asmus (Ed.), *Sochineniya v chetyrekh tomakh [Collected works in 4 Volumes]*. *Vol. 1* (pp. 5–62). Moscow: Mysl' Publ.

Böhm-Bawerk, E. V. (1886). I. Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwerts. *Journal of Economics and Statistics [Jahrbuecher fuer Nationaloekonomie und Statistik]*, *47*(1), 1–82. https://doi.org/10.1515/jbnst-1886-0102 (In German)

Commons, J. R. (1931). Institutional Economics. *The American Economic Review*, *21*(4), 648–657.

Danilova, L. V. (2024). *Teoreticheskiye problemy feodalizma v sovetskoy istoriografii [Theoretical problems of feudalism in historiography in the Soviet Union]*. Moscow: LENAND Publ., 512. (In Russ.)

Dyatel, E. P. (1974). Adopting Farming among Pygmies, Bushmen, and Tindig: Features of Reproduction and Development. In Yu. M. Kobishchanov (Ed.), *Afrika: vozniknoveniye otstalosti i puti razvitiya [Africa: The Emergence of Underdevelopment and Ways of Development]* (pp. 46–84). Moscow: "Nauka" Publ. (In Russ.)

Dyatel, E. P. (2026). The spacetime of regional economic systems: Methodology, history, potential. *Journal of New Economy*, *27*(1), 48–63. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2026-27-1-3 EDN ISMVHP

Kleiner, G. B. (2021). *Sistemnaya ekonomika: shagi razvitiya:* monografiya *[System Economy: Development Steps]*. Moscow: "Nauchnaya biblioteka" Publ., 746. (In Russ.)

Kolesov, N. D. (1967). *Obshchestvennaya sobstvennost' na sredstva proizvodstva — osnovnoe proizvodstvennoe otnoshenie socializma [Social ownership of the means of production is the main production relation of socialism]*. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 248. (In Russ.)

Kreymer, M. A. (2011). Analysis of time-space continuum in social-and- economic phenomena. *Vestnik SGGA [Bulletin of the Siberian State Geodetic Academy]*, (3(16)), 113–124. (In Russ.)

Lenin, V. I. (1970). Once Again on the Trade Unions, The Current Situation and the Mistakes of Trotsky and Buhkarin. *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 42 [Collected Works. Vol. 42]* (pp. 264–304). Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)

Lenin, V. I. (1973). *Filosofskiye tetradi. Polnoye sobraniye sochineniy. T. 29 [Philosophical Notebooks. Collected Works. Vol. 29]*. Moscow: Politizdat Publ., 782. (In Russ.)

Lovejoy, C. O. (1988). Evolution of human walking. *Scientific American*, *259*(5), 118–125.

Marx, K., & Engels, F. (1955). *Sochineniya. T. 3. Nemetskaya ideologiya [Essays. Vol. 3. The German Ideology]*. (2nd Edition). Moscow: Gospolitizdat Publ., 630. (In Russ.)

Marx, K., & Engels, F. (1960). *Sochineniya. T. 23. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. Kniga 1: Protsess proizvodstva kapitala [Essays. Vol. 23. Capital. A Critique of Political Economy. Book 1: The Process of Capitalist Production]*. (2nd ed.). Moscow: Politizdat Publ., 907. (In Russ.)

Marx, K., & Engels, F. (1961a). *Sochineniya. T. 20. Anti-Dyuring [Essays. Vol. 20. Anti-Duhring]*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 827. (In Russ.)

Marx, K., & Engels, F. (1961b). *Sochineniya. T. 20. Dialektika prirody [Essays. Vol. 20. Dialectics of Nature]*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 827. (In Russ.)

Mauss, M. (2011). The Gift Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noy antropologii [Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology]* (pp. 134–285). Moscow: KDU Publ. (In Russ.)

Nippold, W. (1960). *Individuum und Gemeinschaft bei den Pygmaeen und Negrito-Voelkern Suedost-Asien.* Braunschweig. (In German)

Rubin, I. I. (1927). Abstract Labour and Value in Marx's System. *Pod znamenem marksizma [Under the Banner of Marxism]*, (6), 88–119. (In Russ.)

Schebesta, P. (1950). *Die Bambuti-Pygmäen vom Ituri* (Vol. 4). Hayez, imprimeur de l'Académie royale de Belgique. (In German)

Semenov, Yu. I. (2002). *Kak vozniklo chelovechestvo [How Mankind Originated]*. Moscow: State Public Historical Library of Russia, 788. (In Russ.)

Smith, A. (1976). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. The University of Chicago Press.

Stalin, I. V. (1952). *Ekonomicheskiye problemy sotsializma v SSSR [Economic Problems of Socialism in the USSR]*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 223. (In Russ.)

Stiegler, B. (1998). *Technics and time, 1: The fault of Epimetheus* (Vol. 1). Stanford University Press.

Timofeev, I. S. (2016). Term "Matter" in the Lucretius' Philosophical Vocabulary. *Indoyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]*, (20-2), 972–983. EDN WJDNJN (In Russ.)

von Hayek, F. A. (2006). *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: sovremennoye ponimaniye liberal'nykh printsipov spravedlivosti i politiki [Law, Legislation and Liberty]*. (Transl. from English by B. Pinsker and A. Kustarev). Moscow: IRISEN Publ., 644. (In Russ.)

Wallis, J. J., & North, D. (1986). Measuring the transaction sector in the American economy, 1870–1970. In S. L. Engerman and R. E. Gallman (Eds.), *Long-term factors in American economic growth* (pp. 95–162). University of Chicago Press.

White, L. (2004). *Izbrannoye: Evolyutsiya kul'tury [Evolution of culture]*. Moskva: ROSSPEN Publ., 1064. (In Russ.)

Wilson, E. O. (1975). *Sociobiology: The new synthesis*. The Belknap Press of Harvard University Press.

Wilson, E. O. (1978). *On Human Nature*. Harvard University Press.

Информация об авторе

Дятел Евгений Петрович — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Центр экономической теории, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-4383-8060 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: dyatel1942@mail.ru).

About the author

Evgeny P. Dyatel — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leading Research Associate at the Center for Economic Theory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-4383-8060 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: dyatel1942@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 29.06.2026.
Прошла рецензирование: 10.07.2026.
Принято решение о публикации: 15.09.2026.
Received: 29 June 2026.
Reviewed: 10 July 2026.
Accepted: 15 Sep 2026.